ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Партер. Седьмой ряд

Николай ИВАНОВ

Новелла

–Баю-баюшки, баю...

– Вика, милая, всё. Всё уже.

– Не отдам.

"Отдашь!" – ухнул рядом разрыв.

Комья земли за спиной – как падающие яблоки в домашнем саду.

Для непонятливых повторилось едва ли не над ухом:

"Отдашь! Отдашь!!".

"Да-да-да-дааааа", – шпаной из подворотни подтявкнула господам артиллеристам дробненькая пулемётная очередь.

И вдруг озарение: какое же это счастье – оказаться во время обстрела на кладбище! Любой холмик – бруствер, памятник – стена каменная. Копачам вообще сказка: скатились в самими же вырытую могилу-окоп. Не потеряются, пронумерованную – в седьмом ряду нового, всего лишь неделю назад открытого для захоронений, участка. Готовили могилочку для дитяти, лишней земли не захватывали, а вот поди ж ты, легко втиснулись вчетвером.

– Баю-баюшки, баю...

"...ююююю...", – передразнила мина "крылатка".

Не ведала, дурёха, что от самой полетят клочки по закоулочкам, едва коснётся земли. Иначе не насвистывала бы, а выла по-бабьи, изо всех сил удерживая себя в воздухе. А ещё лучше – вернулась бы к тем, кто снаряжал её, как поясом шахида, хвостовым оперением. Кто погладил выпуклые, в 120-мм, бёдра, но тут же предал, разжав пальцы и опустив в тесное, тёмное, пропахшее гарью жерло ствола. И всё ей окончательно должно было стать понятным, когда обожгло, возгорелось там, где шёл элегантный, как у балерины, крылатый подол пачки.

Но обманула, дала ей передышку неведомая сила, выбросившая обратно мину из тесноты и гари да в голубой простор: летай, глупое чудушко, радуйся бабочкой единственному дню своей жизни. Смотри, как сияет в небе крест, взбежавший на цыпочках по куполу кладбищенской часовенки в самую высь. Забудь, что он всего лишь прекрасный ориентир для минометчиков, что именно от него делают поправки в расчётах для меткой стрельбы. Но простухе-дурёхе и самой глаз не отвести от золочёного, парящего среди облаков Ивана-царевича, распахнувшего навстречу руки. Ох, для жаркой, желанной ночи!

Только вышла незадача: в последний миг ослепились глаза золочёным бликом. От неожиданности ненароком, на мгновение вильнула "крылатка" хвостом и – вот как бывает, разминулась с судьбой! А может, это те, кто последними сжимал её тугие бёдра, кто передавал из рук в руки от снарядного ящика до ствола, думал не о вознесённых в небеса принцах, а о копошащихся, выползших наружу из шахт "медведках"? Только что шли из забоя рабочим классом, донбасским пролетариатом, защитничками Новороссии! А при первых же выстрелах вжались в землю так, что сами превратились в кладбищенскую пыль. А мины для того и шлют в поддержку горячих, но зачастую бестолковых при бое в населённом пункте, голов снарядов и пуль, что могут не пугать, пролетая мимо, а падать на противника сверху. И тут уже ни в какую щель

не забиться "колорадам", потому что заложен конструкторами миномёту великий принцип войны: "Выстрелил и забыл". В смысле - тех, по ком стреляли. Ибо уже некого помнить.

– ...аюшки-баю...

"Да-да-дааааа".

"...ююююююю...".

"Уух, уух", – проснулись, а может, только-только подскочили на подмогу сородичам всегда охочие до драки танки. Вот у кого дури по самые топливные баки. Такие пока не снесут себе башню или им не настучат из гранатомёта по темечку, будут строить из себя ковбоев.

Гудело, свистело, ухало, чвакало, скрежетало – какая же гармония, уважительное равноправие царят в стреляющем оркестре. Всё – ради слушателей! Вот тут и крест-ориентир в благую помощь, чтобы могли дотянуться танкисты, пулемётчики, артиллеристы, минометчики своим искусством до каждого зрителя, начиная с первого ряда на кладбище и заканчивая галёркой на шахте. Одна незадача: перебивала, перепевала, мешала восприятию гармонии обстрела унывная нота от чёрной сгорбленной тени в седьмом ряду партера:

– Уу-уу-уу-у....

И уж совсем некстати раздалась из могилы музыка Вивальди. Производители мобильных телефонов, оказывается, такие юмористы, такие чудики: вставляют вместо звонка не команды "К бою!" или "Всем бояться!", а музыку итальянского католического священника! Да ещё на православном кладбище. Правда, не без пользы: его "Времена года", где волыночка наигрывает "Деревенский танец", подсказали, что сейчас хотя и поздняя, но всё ещё весна. А уж вы, люди, сами определяйтесь, какого года. И торопитесь, отрывок весенней музыки звучит у композитора всего-то четыре минуты. Если в пересчёте на оркестрантов, то это где-то два десятка неспешных снарядов, тысячи полторы пуль, раз пятьдесят "уухнуть" и столько же "прооюююююзить" до звона в ушах. Антракт, конечно, придёт, он неизбежен, сам Вивальди в сонете перед началом майской игры записал: "...быстро иссякает вихрь могучий. Спит пастушок...".

– Баю-баюшки, родной...

Звук мобильника, который никак не могли отключить в могильной тесноте, вдруг неожиданно стал заглушаться надрывным, всё нарастающим гулом бронетехники. Он шёл со стороны шахты, и не был страшен, потому что в то направление, на юг, указывал своим левым краем крест. А в Донбассе любой первоклассник преподаст урок географии: где юг, там ополчение. Защита. И сейчас именно оттуда зелёным приплюснутым наконечником летела, тщетно пытаясь оторваться от пыльного завихрения, бээмпешка. Это подсказало для первоклашек и вопрос по истории – какой год на дворе: на похороны на бронетехнике стали ездить в 2014-ом. Их было много в этот период – бронетехники и похорон...

Становилось ясным и другое: механик-водитель сбежал из сумасшедшего дома. Наверняка его разбомбило, и когда вместо стен в воздухе остались висеть на трубах лишь батареи отопления, один из пациентов и умыкнул стоявшую в каком-нибудь музее БМП. И теперь не просто мчался в самое пекло, а ещё и словно специально подставлялся под выстрелы: гарцевал на пригорках, пылил по просёлкам, замирал у отдельных деревьев – так же пристрелянных, как и крест, ориентиров. Но странное дело: отсутствие логики в безумных поступках сумасшедшего нежданно позволило поднять головы похоронной процессии. Огонь под крестом стихал, он поддался на приманку и бросился догонять обезумевшую "бээмпешку".

В открывшееся в обстреле оконце люди и поторопились передать в рай двухмесячного малятку, крыхитко Богданчика. Кума уже не уговаривала подругу, молча выдрала малыша из рук. Подождала копачей, вытряхивавших из гробика налетевшую жёлтую глину и чёрные осколки, уложила крестничка в красную, с белыми кружевами покрывал, домовину. Местный батюшка, обгоревший при тушении храма, страдал духовно и телесно в больнице, и она сама перекрестила мальчишечку, что-то прошептав ему в ушко на мотив молитвенного. Уступила место мужчинам с лопатами. И только после этого тревожно принялась искать взглядом БМП. Одна она знала военную тайну,

что за штурвалом сумасшедшей боевой машины сидит ополченец с позывным "Русак" – её брат Васька, отец Богданчика. Утром дозвонился из боя под Дебальцево, предупредил, чтобы сына без него не хоронили, что прорвётся, примчится, отомстит.

Его самого гоняли сейчас зайцем по полю фонтаны разрывов, хотя уже можно было нырнуть за ломаную геометрию терриконов. Но Васька рвал удила, постромки, нервы, гусеницы, сцепление, лишь бы остаться на виду. Уходи, Васька. Здесь уже положили цветы и убегаем домой.

Ох, не всё. Малюсенького неровного осколочка от самовлюблённой "дурёхи", упавшей всё же за часовней, хватило повалить кулём станичную почтальонку. По арифметике на сегодня выпал скорбный, девятый день её мужу, мучительно умершему от недостатка лекарств, и она наклонилась, чтобы поцеловать щурящегося на фотографии своего чоловіка да поправить рушник на кресте. Ведь на них, на рушники, прилетают души и ангелы умерших. А вот не приди, не наклонись – глядишь, и прошла бы смертушка со своей почтовой сумкой мимо. Только ведь женщины идут и наклоняются, идут и наклоняются. Хоть русские, хоть украинские. И хотя осколок у Богданчика, судя по ранке, был в два раза больше, но нет ему, видать, разницы, каким размером какой возраст пересекать...

Причитать над новой бедой люди не стали: жизнь почтальонки по сравнению с Богданчиком виделась прожитой, а почта... Что почта без писем, которые в прифронтовое село давно уже никто не шлёт. Так что пристроили копачи почтальоншу на черенки лопат и постарались бегом отнести домой, к забившейся в будку при виде страшной процессии, оставшейся теперь полной сиротой, собаке. Настырный телефонный звонок вновь уточнил, что в мае 2014 года на Донбассе впервые несли покойника не на кладбище, а домой.

Господи! Найдётся ли сила, которая остановит это безумие? Кто защитит хотя бы от надругательства снарядами могильный холмик в седьмом ряду? И почему перестали стрелять по БМП? Это же страшно, когда не стреляют на войне, потому что у них, у минометчиков, и впрямь есть присказка: "Выстрелил – и забыл"...

...Богданчику поминок не делали. И не с чего было, и опасно стало собираться людям вместе. Главное было довести Вику домой. Золовка, ненароком задевшая её грудь, тронула теперь уже её ладонью. Твёрдая, горячая – плохая.

– Сцеди молоко.

– Не для кого...

– Сцедись, – силком усадила на диван. Подвинула детскую баночку, сняв с неё ставшую ненужной соску. Ладошкой мягко помогла выдавить первую каплю из белого набухшего окружья. Невестка-то сама дитя, едва-едва исполнилось девятнадцать.

– А Богданчик не успел поесть перед бомбёжкой, – встрепенулась вдруг запоздало Вика, вцепившись в стекляшку.

– Отнесу Нестеровым. У них малыш, – отобрала кума драгоценную влагу, прикрыла платком. Теперь бы с Васькой ничего худого не сталось. – Ляг, полежи. Я быстро.

Получилось быстрее, чем думалось. Пояснила через окно:

– Уехали. Не осталось детей у нас на улице.

Вика вышла из дома, переодетая в камуфляж Василия. Приняла молоко обратно, прижала к груди баночку. Покачалась, как только что баюкала сынка. Что-то вспомнив, на ощупь открыла побитую осколками калитку в сад. Присела над ближней, самой маленькой яблонькой. Да и когда той было расти, если посадили в день рождения Богданчика. Потрогала хворостинку-стволик и начала медленно лить молоко под дерево. Изнывающая от жары земля жадно проглотила через трещины влагу, замерла в ожидании новой порции. Но Вика, Виктория, ничего не пообещав, ни слова не сказав золовке, пошла через давшие завязь яблони, вишни, сливы к терриконам. Уходила строго по левому лучу креста. Оглянулась лишь однажды, и то на кладбище, где теперь уже навек лежать в своём скорбном ряду её Богданчику. И слушать соловьиные песни. Они, соловьи, поют и на кладбищах, если заставить замолчать канонаду...

Модифицированный Гена

(начало на стр.1)

В романе "Любовь в эпоху перемен" Юрий Поляков как всегда умело предсказывает будущее, если не своё, то всей нынешней эпохи, не случайно я его давно уже назвал литературным Нострадамусом.

Для кого-то это захватывающий любовный роман о сложных отношениях талантливого, но абсолютно конформистского журналиста с тремя его женщинами: Мариной, Зоей и Алисой.

Для кого-то одновременно попытка разобраться в эпохе Перестройки, понять её тайные пружины, светлые и тёмные силы.

Для кого-то Поляков экспериментатор формы, смело соединяющий в своём романе два разных времени, сталкивающий разные эпохи не хуже Виктора Пелевина.

Юрий Поляков тридцати трёх лет подаёт руку Юрию Полякову шестидесятилетнему, и видит, что ничего хорошего ни в личной жизни, ни в жизни общества за эти 30 лет не произошло, постреволюционный перестроечный накал молодых ревнителей светлого будущего очень быстро затух и оброс жирком коррупции и деловых отношений.

Действие происходит в 1988 году и буквально сейчас, в 2013 году, когда писался роман. На наших глазах герои стареют и, за редким исключением, становятся продажными и конформистскими деятелями. От юного борца за правду Геннадия Скорятина к концу романа не остаётся ничего светлого, он весь погряз во лжи, этот главный редактор еженедельника "Мир и мы"" управляемый криминальными собственниками из-за рубежа.

"Мне захотелось написать о том странном времени, проследить судьбы "грандов гласности" и "прорабов перестройки", распутать узлы, завязавшиеся тогда и разрубленные только теперь.

Вот почему действие романа происходит в двух временных планах – сегодня и в 1988 году. Как-то само собой получилось, что главный герой оказался журналистом, борцом за свободу слова, он из тех, кто сыграл немалую роль в изменении участи огромной державы. От таких многое зависело. А вот от чего и от кого зависели они?

Чем всё-таки была перестройка – прорывом, розовым помрачением или направленным взрывом, растянувшимся на шесть лет? Впрочем, мой роман, что следует из названия, о любви, о вечном поиске счастья. Так уж устроены мои мозги, мне обязательно нужно рассказать о том, что окружает двоих, падающих в пропасть взаимных объятий", – рассказал Юрий Поляков о своём новом романе.

Мне кажется, автор в этом интервью слегка обеляет, жалеет своих же героев, в романе они выглядят хуже, подлее. Но, думаю, безжалостному читателю их не жалко, очень уж наглядно автор высвечивает их алчные личности.

Вот так и получилось, роман о любви, а вместо этого мы читаем о каких-то достоевских бесах. Иногда герои женятся без разрешения автора (как пушкинская Татьяна), иногда они становятся подонками и рвачами, не оправдывая надежд родившего их писателя.

"Такого о перестройке я ещё не читал", – признался Станислав Говорухин, прочитав роман в рукописи. Пожалуй, и впрямь, кроме апокалиптических гротескных видений Александра Проханова никто из писателей в брюхо перестройки не забирался. И тот же Захар Прилепин ушёл пока в дальнюю историю Соловецкого лагеря.

Высочайшая достоверность письма и переворачивает сентиментальный мотив наизнанку. Можно было от злости выкинуть роман с его отвратительными героями куда-нибудь в угол, но спасает лукавая насмешливая ирония. И ты уже не проклинаешь этих вороватых скурвившихся подонков, а смеёшься над ними.

Талант писателя рождает жуткую достоверность мира, где всё продаётся, талант же превращает их в клоунов, над которыми иронично улыбаешься.

Вот уж верно произнес сам писатель: "Занимательность – вежливость писателя". Занимательности у романа не отнять!

С юмором Юрий Поляков признаётся, почему от него отворачивается почти вся критика:

"Однако я не постмодернист и тем более не автор "Большой книги", а реалист и, кстати, обладатель золотой медали премии имени Ивана Бунина. У моих героев всегда есть биография, профессия, родные и близкие. Они не трансцендентальные бомжи и живут не на виртуальной Рашке-помойке, а в нашем вполне реальном Отечестве со всеми достоинствами и недостатками. Герои моего нового романа – журналисты. Мне давно хотелось написать о людях этой профессии, накопилось много наблюдений, идей… Я ведь сам в журналистике с 1975 года, когда стал внештатным корреспондентом "МК"…".

В центре романа судьба редактора еженедельника "Мир и мы" ("Мымры") – Гены Скорятина. Автор передает герою свой личный опыт, но уводит в конце концов в иную, чужую для себя нынешнего сторону.

Герой его Гена Скорятин, молодой журналист, хотел погибнуть за светлое будущее России, борясь в августе 1991 года с ужасающей советской трясиной, ненавистной ему. Так когда-то хотел погибнуть за светлое либеральное будущее и сам Юрий Поляков.

Но проходят годы, и в 2013 году уже его, Гену Скорятина, продажного ловкача, выгоняет пинком под зад из газеты ещё более подлый собрат и его современные хозяева коррупционной России. Жена вовсю пьёт и изменяет с кем попало, любовница находит молодого индуса, даже дочку, оказывается, ему жена Марина родила от подлого гениного начальника Исидора Шабельского.

Просто, продажный Гена не на ту лошадку поставил, переиграл сам себя. Литературный талант бездарно обменян на какие-то мелкие бытовые удобства, которые может выбить из-под тебя любой более сильный ловкач. Так и произошло.

Не получается и поездка в тихую провинцию, и к тихой Зое. Гена просто модифицирован, как и все наши продукты, как и большинство наших нынешних сограждан. Потеряны и идеалы, и нежные чувства, всё – модифицировано, искусственно. И управляют всей модификацией России стая Кошмариков, денежных и чиновных воротил.

Владельцем газеты, которую все сотрудники давно уже называли не "Мир и мы", а просто Мымра, был олигарх по прозвищу Кошмарик, живущий в Ницце, куда он скрылся после своих афёр, и он оттуда направляет линию газеты, кого поддерживать, кого гнобить.

Заканчивается роман простым некрологом, где предавшие и оболгавшие своего бывшего шефа сотрудники дружно пишут о его тернистом пути за свободу.

Вот уж верно, если бы не занимательный сюжет и галльский юмор, то после такого безнадёжного романа можно и повеситься. Или признать, что из таких модифицированных Ген и состоит нынче вся Россия?

Неужели и на самом деле у России нет никакого выбора? Кроме возвращения в былой социализм?

Ибо, копаясь в своём тоталитарноборческом прошлом, Геннадий Скоряков видит опору лишь в том, с чем сам и боролся. Недаром из всех людей, которые его окружали, он с уважением лишь вспоминает "Танкиста", первого редактора газеты "Мир и мы", фронтовика, имеющего свой ясный взгляд на мир, и не собирающегося его менять.

Владимир БОНДАРЕНКО

Квартирник Захара

По просьбам друзей отчитываюсь за субботний вечер. Знала, же, что на Ярославке ремонт сплошной, и выезжать нужно за четыре часа до начала мероприятия (а всего-то 60 км до Москвы), но, провозились, прокопались, и выползли за три. Дорога, в принципе, была неплохой, но медленной.

В итоге, две милые дамы влетели в ЦДЛ в 19-00 лишь слегка растрепанные. Отличный результат!

Ну, а дальше началось сплошное приятное. Вышел дорогой юбиляр. Говорил много, хорошо, ёмко, доброжелательно. Атмосфера была тёплая, несмотря на сквознячок.

И, знаете, до того было доверительно, что я даже подумала сейчас, а правильно ли будет рассказать подробности, ведь это личная беседа, можно даже сказать, приватный разговор с тремястами друзьями. Ну да ладно.

Так вот, говоря о десятилетии своего творчества, Захар упомянул Лимонова, первая книжка которого была написана в 35, а издана, когда автору было 39. Все относительно, и начать говорить и делать никогда не поздно.

Приводил и другие всем известные примеры, когда писателю или поэту, прожив всего около тридцати лет, удалось отразить целую эпоху. Поэтому, десять лет – это одновременно и много и нет.

Был задан очень интересный вопрос о темах, которые Захар закрыл для себя, и о тех, которые ещё найдут отражение в новых произведениях.

Оказалось, что история "человека-и-алкоголя" писателем исчерпана (возможно, до дна, хотя, вряд ли), поэтому он теперь не ходит в ботинках, полных горячей водки, они сухие. А к извечным человеческим вопросам по линии "отец и сын", "мужчина и женщина", "человек и время" интерес не угасает.

Также Захар отметил, что планирует подробно рассказать об отношении русских писателей к военной службе, их деятельности на этой стезе, потому, что любители искажать историю (являясь иногда сами историками), перегибают палку в стремлении подогнать прошлое под свои нынешние убеждения.

Одним из побудительных мотивов послужил пост Николая Сванидзе на "Эхе", адресованный именно Прилепину, где говорится, что "Русский писатель не может исповедовать и проповедовать милитаризм. Не может любить войну, тосковать, скулить по ней и называть это патриотизмом".

Так что ответ будет, и, по-видимому, достаточно развернутый.

Присутствующий на встрече Владимир Бондаренко посетовал, что писательские диспуты канули в Лету, что в зале нет собратьев по перу, которые могли бы затеять спор на любую тему, что молодёжь не собирается группами, и не объявляют себя "хозяевами русской поэзии", прозы. И действительно, жаль.

Музыкальная часть доставила тоже море удовольствия. Как крупный специалист по диску "Охотник", присутствующий на трёх живых концертах Элефанка, в том числе, на первом московском, в Сокольниках, заявляю, что каждый последующий концерт на порядок выше предыдущего.

Новые музыкальные находки, невероятные аранжировки, оттеняющие смысл текста, энергия ребят, их сыгранность, сплочённость на сцене, – всё это делает выступление настоящим и незабываемым.

Очередь была дли-и-инная, но общительная. И с трепетом следящая за соблюдением правил. В частности, когда стоявший за мной Евгений Поддубный вышел из очереди и стал обходить зал, чтобы подойти к Захару с другой стороны, одна дама возмутилась, на что другая ей ответила: "Поддубного пропустим, а остальных – нет!". Так и стояли.

Что до ватников, то мы их и не видели. Видимо, всё было примерено до нас. И ладно…

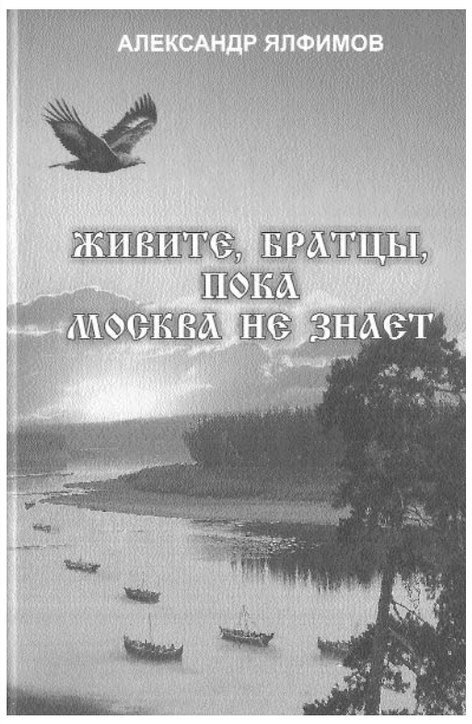
Елена ВИНОКУРОВА

Кайф.

Жаль, что формат, да и само место встречи не предусматривало "патанцевать". Дёрганье ногой и качание головой в такт музыки – не в счёт.

Испытание окончания встречи (для всех присутствующих) – это подписание книг (в холле продавалась и новая книжка из серии ЖЗЛ "Непохожие поэты").

НАШИ КНИГИ



Название исторического романа ***"Живите, братцы, пока Москва не знает"*** – это первая часть старинной пословицы. Вторая гласит: *"Узнает, плохо будет"*.

Эта пословицу знали во всех углах обширной Руси. По сей день она известна в Поморье, Сибири, во всех местах проживания потомственных казаков. У нас, на Яике, провожая сына на службу, бывало, говаривали: "Вот и тебя, сынок, Москва узнала. Служи хорошо. Род наш не позорь, будем ждать тебя".

Слово "Москва" в пословице не город, не столица России, а символ власти, к сожалению, не всегда праведной. Для людей неспокойных, дерзких, созидающих, власть – всегда угроза, институт подавления индивидуальной мысли и дела. Задача власти – подчинить и взять, иногда помочь, но так, чтобы всегда быть в прибыли.

Никто не посылал Кузьму Строгонова в незнаемые места, никто не помогал ему начинать великое дело,всё сам. Только достигли Строгановы желаемого, только стали известны в Москве – тут же воеводы и дьяки царёвы нагрянули, пошлину, серебро, мех давай, мзду выжимают. Понятен гнев Аники Строганова: "Не царь милость нам сотворил, а мы ям*у*! Шутка ли дело, ни медного гроша не тратя, эку землищу в бережении блюсти! Ям*у* в Москве не дуит, а нам, Строгановым, почитай, весь Пермский край от сибирцев да ногайцев оборонить надобно. Да своё добро ни тока сбиричи, но и умножить. А как? А чем?".

Ещё сложнее характер взаимоотношений между Москвой и вольными казаками. Проживая по окраинам Руси, промышляя на Волге, Каспийском и Чёрном морях, казаки всегда освобождали и выкупали пленных, воевали с крымцами и ногаями, давними врагами крепнущей России. Иван Грозный, величайший государственный деятель, оценив удаль вольных казаков, стремился привлечь их к службе. Отчасти ему это удалось, служилые казаки воевали там, куда были направляемы. К вольным же являлись посыльщики: одаривали зельем и свинцом, хлебом и сукном, просили помочь православным в их борьбе с басурманами. Но как только менялась политическая ситуация, к казакам применялись репрессивные меры.

Жёсткая политика царя, узаконенное вероломство бояр породили в дерзких и вольных людях непреходящую ненависть к Москве как символу неправедной власти.

Александр ЯЛФИМОВ